

Переписка Николая II с Вильгельмом II

ПРЕДИСЛОВИЕ НИКОЛАЯ СТАРИКОВА

Переписка двух монархов, погубивших свои империи

Перед Вами, уважаемый читатель, уникальное издание. На русском языке оно вышло лишь однажды – в начале 20 годов XX века. Более не переиздавалась, хотя ее важность для понимания истории сложно переоценить. Для изучающего международные отношения конца XIX – начала XX века это – документы первостепенной важности.

Николай II и Вильгельм II – два политика, два императора, которые уничтожили свои страны без какого-либо повода, смысла и причины. Но если русский царь заплатил за свои политические и кадровые ошибки своей жизнью и жизнями всей своей семьи, германский кайзер остаток жизни прожил в изгнании в Голландии. Трагедия России и Германии начала XX века состоит в том, что никакого повода для войны не было. У Петербурга и Берлина не было территориальных споров, исторических обид, они не делили между собой сферы влияния. Более того – отношения между двумя монархами были очень теплыми. И читая их переписку между собой вы, уважаемый читатель, это обязательно почувствуете. Письма двух императоров друг другу – это важнейшие исторические документы¹. Которые должен знать каждый, кто интересуется мировой и отечественной историей.

Как же вышло, что война все же началась? Дело в том, что в начале XX века мир был многополярным. Почти весь предыдущий век шла «Большая игра» – борьба между Великобританией и Россией. Германия, пока она еще была Пруссиею, в этой схватке стояла в стороне. Но после создания Германской империи, провозглашенной по иронии судьбы в пригороде Парижа Версале, немцы активно ринулись делить мировой пирог. Началось взрывное развитие германской экономики, началась реализация большой судостроительной программы. А сильный флот любой державы – это вызов английскому могуществу. «Будущее Германии лежит на море» – сказал император Вильгельм II и тем самым сделал военное столкновение Германии и Англии неизбежным. Но война с немцами грозила в любом случае ослабить англичан. Лондону обязательно нужна шпага на континенте, которая бы перемолола немецкую армию и приняла на себя основной удар германской военной машины. В роли пушечного мяса и инструмента для ослабления Германии англичане видели Россию. Немцы также были заинтересованы в отношениях с Россией, понимая, что в одиночку им с Великобританией не справиться. Одним словом, и Лондон и Берлин начали сложные дипломатические игры с целью использовать Петербург в своих интересах. При этом стоит отметить, что немцы все же отводили России роль равноправного партнера и союзника в борьбе с гегемонией Великобритании, а англичане хотели взаимного уничтожения России и Германии в ходе спровоцированной войны. Что было выгодно для нас? С точки зрения канонов geopolитики две сухопутные державы, каковыми являлись Россия и Германия, были обязаны объединиться против державы морской (Великобритании). Оставался вариант балансирования и нейтралитета в неизбежной схватке между Германией и Англией. Сложно сказать, какой вариант развития событий был бы для России лучшим. Но совершенно точно можно сказать, что цепь политических решений царского руководства привела страну к катастрофе и гибели. То, что случилось в реальности, было самым ужасным решением. Хуже просто быть не могло.

Попытки перетянуть Николая II на германскую сторону четко прослеживаются в переписке между двумя монархами. Наш царь этому противился. Англо-германский конфликт уже совершенно определенно прощупывается в самом первом обмене мнений совсем еще молодого тогда германского императора и Николая, только, что ставшего

¹ В письмах и телеграммах Николая II зачеркнутые слова взяты в прямые скобки

русским царем. Ставясь подтолкнуть главу России к антианглийскому континентальному союзу, Вильгельм еще в письме от 10 июля 1895 г., пишет о «великой роли» России «в деле насаждения культуры в Азии и в деле защиты креста и старой христианской европейской культуры против вторжения монголов и буддизма». Столкновение русских и английских интересов на Дальнем Востоке давало Вильгельму надежду на реализацию его планов. Ставясь показать Николаю, что Великобритания старается перетянуть Германию на свою сторону, а значит надо поскорее принять предложения Берлина, Вильгельм пишет в письмо от 30 мая 1898 года. В нем кайзер рассказывает о предложении Англии образовать единый громадный блок с Тройственным Союзом (Германия, Австро-Венгрия, Италия), Японией и Америкой, направленный против России. Ситуация очень напоминает сегодняшние geopolитические реалии, а потому, считать, что Вильгельм блефовал оснований не много. Как нет и доказательств того, что это было реальное предложение наших британских «партнеров». В своем письме Вильгельм «советуется» с Николаем, как ему отнестись к этому предложению? В ответ царь отвечает, что и ему Англия делала точь-в-точь такие же предложения. По сути, большая часть переписки между двумя монархами – непрекращающиеся попытки Вильгельма «составить» Николая. В одном из посланий 1902 года он искушает Николая немецким проектом строительства железной дороги из Европы в Ирак – багдадской дорогой, которая дала бы России «возможность послать несколько полков из Одессы прямо в Кувейт».

В реальности же в августе 1907 года Николай II подписал соглашение с Англией. Оно делило сферы влияния в Афганистане, Персии и Тибете и не несло в себе никаких союзнических или военных обязательств. Тем не менее, считается, что Россия тем самым вступила в Антанту – военный блок Англии, Франции и России. Дипломатия Вильгельма провалилась. Тонкая игра Англии по организации будущей Первой мировой войны осталась за рамками этой переписки. Но смысл происходящего был таков: окружить Россию проблемами (война с Японией, трения с англичанами и т.п.), потом предложить решение всех проблем разом – дружба с Великобританией. После того, как Берлин и Петербург окажутся в разных военных блоках – начать создание конфликтных ситуаций. Не забудем, что так все и вышло – война между двумя кузенами началась из-за агрессии Австро-Венгрии против Сербии...

Родственники, они в первую очередь были политиками. А это значит, что уровень их симпатий к соседней стране всегда дополнялся пониманием интересов своей державы. Вот два исторических случая. Один наглядно нам показывает, на что был готов пойти Вильгельм для достижения союза с Николаем, второй – какими теплыми были отношения Вильгельма с отцом Николая, императором Александром III.

Война с Японией началась 27 января (9 февраля) 1904 года предательским ударом японцев по нашему флоту в Порт-Артуре. Через несколько месяцев русская разведка получила письмо, в котором анонимный автор за весьма скромные гонорары предложил свои услуги по предоставлению самых подробных сведений о японских военных заказах, размещенных на заводах Германии. Информация источника была очень детальной и полной. Оказалось, что японцы заказали на заводах Круппа около 800 артиллерийских орудий и огромное количество снарядов. Весь заказ отправлялся в Японию на двух больших транспортах. Агент прислал даже фотографии этих кораблей. Все сведения наша разведка немедленно докладывала в Главный морской штаб. Вопрос уничтожения двух судов, под завязку забитых новейшими артиллерийскими системами и снарядами к ним, был вопросом государственной безопасности России. Однако ответа от руководства не поступало никакого.

Вскоре агент предупредил, что заказ исполнен, и пароходы вскоре отправятся в Японию. Он сообщил мельчайшие подробности: каким грузом будет прикрыты орудия и снаряды, что в судовых журналах напишут, будто корабли идут с грузом овса и пшеницы. Однако высокие инстанции, что флотские, что армейские, не принимали, к огромному удивлению разведки, должных мер для уничтожения смертоносного груза. Попытки

честных русских офицеров, которые буквально ломились в закрытые двери равнодушных чиновников, достойны отдельного описания. Ничего не помогло. Последнее, что сообщил неизвестный агент, было указание точного времени отхода транспортов из Гамбурга под германским флагом. В итоге груз благополучно прибыл в Японию и в сражении под Мукденом во многом содействовал поражению Русской армии.

Примерно через месяц после отплытия транспортов на приеме в Потсдаме германский император Вильгельм отвел в сторону русского военного атташе В.Н. Шебеко и спросил:

– Почему ваше военное министерство не воспользовалось возможностью уничтожить более восьмисот артиллерийских орудий, изготовленных в Эссене для Японии? Сведения, которые вам сообщались, посылались с моего ведома!

Германский император организовал утечку информации, чтобы сделать России ощущимую услугу. А заодно и получить от японцев новый заказ на сотни орудий и десятки тысяч снарядов...

Кайзер Вильгельм был с визитом в России. В честь высокого гостя организовали парад. Накануне Александр III назначил Вильгельма шефом Выборгского пехотного полка, который должен был участвовать в этом торжественном мероприятии. Вильгельм на параде был одет в форму этого полка. Когда полк начал проходить церемониальным маршем, император Вильгельм встал перед полком своего имени и, проходя мимо императора Александра III, салютовал ему. Потом Вильгельм остановился рядом с командиром полка. Тут кайзер заметил, что Выборгский полк имеет серебряные трубы. Он обратился к командиру полка с вопросом:

– За какой подвиг мой полк получил серебряные трубы?

Командир полка растерянно замешкался.

– Отвечайте, полковник! – приказал Александр III.

– За взятие города Берлина, Ваше Императорское Величество! – был его ответ.

После ответа командира полка Вильгельм повернулся к императору Александру и, протягивая ему руку, сказал:

– Теперь этого более не будет!

Тем самым Вильгельм хотел сказать, что Германия и Россия в настоящее время так дружны, что вражды между ними более быть не может.

1 августа 1914 года он объявил войну России, одновременно с мобилизацией. Чем ввел в полное недоумение немецких генералов, у которых были планы удара... по Франции. Последние телеграммы между монархами датируются именно этим днем. Любопытно, что объявив войну России, вечером того же дня Вильгельм приспал телеграмму, призывающую ... начать переговоры о мире. Свидетельства о ней есть, но текста ее нет. Почему? Потому, что она разбила бы в прах всю теорию возникновения Первой мировой войны. Николай II на эту загадочную телеграмму «кузена Вилли» не ответил.

Обе империи на всех парах шли к катастрофе...

ПЕРЕПИСКА

НИКОЛАЯ II РОМАНОВА

С ВИЛЬГЕЛЬМОМ II ГОГЕНЦОЛЛЕРНОМ²

1.

Письмо Вильгельма

Новый Дворец, 8/XI 1894

Дорогой Ники.

Трудное и ответственное дело, для которого тебя предназначало провидение,

² Печатается по оригинальному изданию: Переписка Вильгельма II с Николаем II: 1894–1914 гг. Центрархив. – М.; Петроград: Государственное издательство, 1923. (Прим. отв. ред.)

оказалось внезапно возложенным на тебя столь неожиданной и безвременной смертью твоего дорогого, горько оплакиваемого отца. Да будут эти строки выражением моего глубокого и горячего сочувствия тебе, твоей Алисе и твоей бедной, убитой горем матери! Я хорошо понимаю чувства, волновавшие твое сердце при виде того, как постепенно угасал твой отец; ведь его болезнь и внезапная кончина сильно напоминают болезнь и кончину моего дорогого папа, на которого покойный царь походил характером и добротой. Я непрерывно молюсь богу за тебя и твое счастье. Да подкрепит тебя небо в твоей скорби, да пошлет оно тебе сил исполнить твой тяжелый долг, и пусть продолжительное и мирное царствование даст тебе возможность заботиться о благе твоих подданных. Сочувствие и искренняя скорбь по поводу безвременной кончины твоего оплакиваемого отца, охватившие мою страну, покажут тебе, как силен монархический инстинкт, и как Германия сочувствует тебе и твоим подданным. Что касается меня, то во мне ты встретишь всегда неизменную дружбу и любовь к тебе. Мы оба прекрасно знаем, каковы наши политические взгляды, и мне нечего прибавить к нашему последнему разговору в Берлине; я могу только повторить, что пытаю к тебе безусловное доверие и что буду постоянно поддерживать старинные дружеские отношения с твоим домом. В них воспитал меня мой дед, и я рад, что имел случай доказать их на деле твоему дорогому папа за последние шесть месяцев его царствования, что и было вполне оценено им, как я имел счастье слышать. Я бы лично приехал помолиться с вами на похоронах, но у меня дома столько дела по управлению, что это совершенно невозможно. Генри будет моим заместителем. Ген. фон-Плессен (комендант моей главной квартиры), полковник фон-Мольтке, мой адъютант, и ген. фон-Виллауме, твой старый друг, будут сопровождать его в его поездке морем в Кронштадт. Отправляющийся в то же самое время сухим путем полковник имп. Александра гвард. grenaderского полка фон-Сауссен явится к тебе, как к новому шефу этого полка. А твоему гусарскому полку я пожаловал твое имя, чем он будет безмерно горд. В первом из поименованных гвардейских полков личность усопшего царя была глубоко почтаема, и в понедельник весь его офицерский состав, при четырех знаменах, вознес вместе со мной свои молитвы в церкви русского посольства в Берлине. Теперь, милейший Ники, прощай, бог да благословит и да сохранит тебя и дорогую Алису и да пошлет он вам счастье в вашей супружеской жизни – таково горячее желание твоего горячо любящего и преданного друга и кузена

Виллиам.

2.

Письмо Вильгельма

Потсдам, 5/I 1895

Дорогой Ники.

Твое милое письмо, доставленное мне Кноррингом, принесло очень интересные, но и очень печальные известия. Я тебе очень благодарен за объяснения и вполне понимаю побуждения, заставившие тебя принять решение по поводу графа Шувалова. В то же самое время, могу тебя уверить, что я глубоко опечален тем, что лишаюсь милейшего Павла, бывшего единонды послом в Берлине, с которым я был действительно близок и который был моим «*ami intime*» (близким другом), насколько вообще немец может претендовать на такое звание. Я, несомненно, буду очень сожалеть о нем. Он вполне заслуживает похвал, которыми ты наделяешь его в своем рескрипте, и никто лучше его не мог бы поддерживать близкие и дружественные отношения между нашими дворами и народами. Я надеюсь и верю, что лицо, которое ты изберешь его заместителем, будет способно вести дело с той же правдивостью и искренностью, с какою вел его Шувалов; ведь взаимные отношения наших двух стран покоятся на освященных преданием основах, совершенно отличных от тех, на которых зиждутся взаимные

отношения с другими нациями, и оказывают сильное влияние на весь мир. По определенно выраженному твоим дорогим отцом желанию, я заменил Швейница Вердером. Если мне также будет разрешено высказать мое желание, то я бы выбрал заместителем, если возможно, Палена, Рихтера или Стала.

Теперь позволь мне пожелать счастливого нового года тебе вместе с дорогим ангелом Алисой, и да будет этот год годом мира и счастья! Мой рождественский подарок, надеюсь, зайдет тебе – это альбом с видами «Fahnenweihe» (освящения знамен) в Берлине. В надежде на то, что нам удастся в этом году где-нибудь встретиться, остаюсь горячо любящий тебя друг

Вилли.

3.

Письмо Вильгельма

Берлин, 7/II 1895

Милейший Ники. Надеюсь, что Еглоффштейн доставит тебе весь фарфор в целости. Ему поручено приготовить стол для обеда на 50 персон, так чтобы ты мог видеть весь эффект. Надеюсь, что мой завод сделал все возможное, чтобы удовлетворить твои вкусы, и что мой подарок будет полезен вам обоим.

С тех пор как миновали печальные недели, выпавшие на твою долю, многое произошло в Европе. Ты потерял превосходного старого слугу твоих предшественников – старика Гирса – очень хорошего человека, которого я глубоко ценил. Франция внезапно переменила и своего главу и свое правительство и амнистией открыла двери всем преступнейшим злодеям, засадить которых стоило столько труда прежнему правительству¹. Уже и здесь чувствуется, как это поощрило демократов и революционную партию. Мой рейхstag держит себя из рук вон скверно, колеблясь между социалистами, подстрекаемыми жидами, и ультрамонтанами – католиками; насколько я могу судить, скоро обе партии надо будет поголовно перевешать².

В Англии министерство плется к падению, сопровождаемое насмешками всех³. Словом, всюду требуется, чтобы «principe de la monarchie» (monarchical начало) проявило свою силу. Вот почему я так обрадован превосходной речью, которую ты недавно произнес перед депутатиями в ответ на просьбы о реформах⁴. Это было очень кстати и повсюду произвело глубокое впечатление,

Я пригласил все европейские правительства прислать на открытие нашего канала в конце июня военные суда в Киль. Надеюсь, что твой флот будет тоже представлен одним или двумя судами.

Мое почтение твоей мамы и привет Алисе.

Твой горячо любящий тебя друг *Вилли.*

4.

Телеграмма Вильгельма

5 апреля 1895 г.

Только что получил через мое министерство иностранных дел копию посланных тобой в Токио распоряжений, касающихся китайского вопроса⁵. Я немедленно отправил моему посланнику в Токио инструкцию действовать согласованно с твоими распоряжениями. Очень рад, что могу быть тебе полезным в таком интересном и серьезном вопросе иностранной политики.

Виллиам.

5.

Телеграмма Николая

Подана 5/17 апреля 7 час. 40 мин. вечера.

Очень рад и признателен тебе за поддержку нашего решения на Дальнем Востоке.
Сердечный привет от Алисы.

Ники.

6.

Телеграмма Вильгельма

6/18 апреля 1895 г.

Германский адмирал, командующий крейсирующей в водах Китая эскадрой, получил приказ сконцентрировать свои суда в порту Северного Китая и завязать сношения с русским адмиралом.

Был бы очень благодарен тебе, если бы ты не отказал предписать своему адмиралу сообщить нашему свое местопребывание, а также заранее уведомлять меня о тех действиях, которые ты желал бы предпринять, чтобы я мог дать своему адмиралу соответствующие инструкции.

Виллиам.

7.

Телеграмма Николая

Дам приказ нашему адмиралу войти в сношение с германским, но сильно надеюсь, что наша интервенция кончится миром.

Н.

На подлиннике приписано Н. Романовым синим карандашом: «В. К. Алексей Александрович об этом уже все знает от меня».

8.

Письмо Вильгельма

Кальтенбронн-Шварцвальд, 26/IV 1895

Милейший Ники.

Князь Радолин едет скоро в Петербург, и я посылаю тебе с ним эти строки. Это мой близкий, испытанный друг, проявивший себя на деле во время краткого царствования моего папа, когда, будучи министром двора (Chief of the Household), он упорно сопротивлялся всяким попыткам интриг, откуда бы они не исходили. Ты можешь относиться к нему с полным и безграничным доверием, так как сдержанность его вошла в поговорку. Он жаждет сделать все возможное, чтобы угодить нам обоим и укрепить традиционные узы, уже почти столетие связывающие наши семьи и страны. Он ненавидит поляков и интересуется ими не больше, чем какими-нибудь туземцами Сандвичевых островов.

От всей души благодарю тебя за то, что ты так прекрасно положил начало совместным действиям всей Европы на защиту ее интересов против Японии. Давно пора приступить к энергичным действиям, они должны произвести прекрасное впечатление как в самой Японии, так и повсюду. С полной очевидностью обнаруживается, как важно нам

быть заодно, и то обстоятельство, что Франция примкнула к нам обоим, показывает, что существуют общие основные интересы, на основе которых все европейские нации могут объединиться для совместных действий на пользу всех³. Пусть только прочнее укрепится убеждение, что такое совместное действие возможно без того, чтобы была затронута чья-либо национальная честь, – тогда, без сомнения, страх перед европейской войной постепенно рассеется.

Твои добрые пожелания и ценные сообщения, доставленные мне через Остен-Сакена, при посредстве графа Эйленбурга в Вене, являются превосходным доказательством твоей верности и откровенности по отношению ко мне. Я сделаю все, что в моей власти, чтобы поддержать спокойствие в Европе и охранить тыл России, так чтобы никто не мог помешать твоим действиям на Дальнем Востоке. Ибо несомненно, что для России великой задачей будущего является дело цивилизации Азиатского материка и защиты Европы от вторжения великой желтой расы. В этом деле я буду всегда по мере сил своих твоим помощником. Ты прекрасно понял это указание свыше и быстро уловил момент; это будет иметь огромное политическое и историческое значение и наилучшие последствия. Я с интересом буду ожидать дальнейшего развития нашего дела и надеюсь, что как я охотно помогу тебе уладить вопрос о возможных территориальных аннексиях для России, так и ты благосклонно отнесешься к тому, чтобы Германия приобрела порт где-нибудь, где это не «стеснит» тебя. Я боюсь, что из-за норвежцев, которые пришли в состояние близкое к сумасшествию⁶, мое летнее путешествие у берегов Норвегии не состоится, и мне придется плавать у шведского берега в Балтийском море. Нельзя ли в таком случае устроить так, чтобы наши яхты встретились где-нибудь в удобном для тебя месте, и мы немного поболтали бы. Это было бы так хорошо. А теперь, милейший Ники, передай сердечный привет Алисе и глубокое почтение твоей мамы от твоего преданного и любящего друга

Вилли.

P. S. Радолин вполне «eingeweiht» (посвящен) во все те мысли, которые я только что развивал тебе.

9.

Письмо Вильгельма

Стора Сундби, 10/VII 1895

Милейший Ники.

Во время своего путешествия в Швецию и вдоль ее берегов я оказался поблизости к твоим владениям и к твоему «*füien retiro*» (прекрасному уединению), и вот, находясь от тебя на расстоянии одного короткого переезда, я не могу упустить случая, чтобы не отправить тебе несколько строк, потому что мне, к несчастью, не удастся встретиться с тобой на море. Позволь мне еще раз от всей души поблагодарить тебя за то, что ты прислал такие великолепные суда – они являлись достойными и могущественными представителями русского флота в Киле⁷. Алексей был воплощением любезности и веселости и всеми силами старался, чтобы наше общение с нашими русскими товарищами не оставляло желать ничего лучшего. Твое любезное разрешение включить его в состав нашего флота чрезвычайно льстит нашим офицерам и, кажется, доставило ему удовольствие. Мне удалось поговорить об очень важном вопросе (по поводу Восточно-Азиатских дел) с Алексеем и с его старым добрым бароном Шиллингом, большим другом моего деда. Я думаю, что он уже сообщил тебе об этом. Я был рад, что мог показать, как тесно связаны наши интересы на Дальнем Востоке, и что мои суда получили приказ помогать твоим в случае надобности, если бы положение стало сомнительным. Что

³ См. прим. 5.

Европа должна быть благодарна тебе за то, что ты так быстро понял, какую великую роль должна играть Россия в деле насаждения культуры в Азии и в деле защиты креста и старой христианской европейской культуры против вторжения монголов и буддизма; что если Россия занялась этим гигантским делом, – то естественно, что ты хотел бы, чтобы в Европе все было спокойно и тебе не грозила бы опасность в тылу; и что, разумеется, именно я должен позаботиться об этом и воспрепятствовать вся кому, кто бы вздумал мешать тебе и нападать с тыла в Европе, в то время, как ты исполняешь великую задачу, возложенную на тебя небом. – Все это так же бесспорно, как «аминь» в церкви (as sure as amen in church).

Случилось одно происшествие, о котором, мне кажется, я должен сообщить тебе, так как я уверен, что произошло оно без ведома Алексея, а, став известным среди нашего офицерства, оно произвело очень неприятное впечатление. На борт «Грозящего» – судно, на котором я *пригласил* адмирала Скрыдлова и его капитанов пройти канал, тайным образом были приняты два инженерных офицера, о присутствии которых ничего не было заявлено нашим властям. Старший был полковник Бубнов. Офицеры эти вместе с лейтенантом, специалистом этого дела, имевшим большой фотографический аппарат, все время делали снимки с наших форточек и батарей, заметки и рисунки, и наконец – когда Скрыдлов заметил, что мой морской атташе был очень удивлен, увидя на судне совершенно незнакомых людей, – они были ему представлены, как два управляющих водными работами и водными путями. В Киле поведение Бубнова сделалось настолько подозрительным, что полиция и жандармы стали за ним следить. Он ходил переодетым в статское платье и шатался вокруг укреплений, что иностранцам строжайше воспрещается.

Я полагаю, что не совсем красиво, будучи приглашенным в качестве гостя и присутствуя на празднике в чужой стране, открывшей: вам гостеприимно двери и пустившей вас в свою военную гавань, злоупотреблять гостеприимством, шпиона у своего друга, да еще надевая при этом личину. Последствием этого будет то, что к русским военным судам будут относиться с большим недоверием, и создается тягостное настроение, о котором я очень сожалею и которое я надеюсь преодолеть. Извини, пожалуйста, что я пишу тебе об этом, но я считаю, что лучше сказать тебе это прямо, вместо того, чтобы писать дипломатические ноты и т. д., потому что ты знаешь, каковы мои чувства по отношению к тебе и России. Всякое затруднение, которое могло бы помешать сближению наших стран, я хочу устраниТЬ прежде, чем оно пустит корни.

Прощай, милейший Ники, сердечный привет Алисе и тебе.

С пожеланием спокойного лета и появления хорошенького маленького мальчика.

Верь мне, дорогой Ники,

всегда твой горячо любящий друг и кузен

Вилли.

10.

Письмо Вильгельма

Охотничий дом Роминтен, 26/IX 1895

Милейший Ники.

Мой дядя канцлер, рассказывая мне, как любезно и мило ты его принял, признался, что ты прямо пленил его своим обращением, а твое знакомство с политическим положением и спокойная манера судить о важных вопросах произвели на него глубокое впечатление. Он передал мне также, что ты выразил желание, чтобы я поддерживал завязавшуюся между нами переписку и писал тебе, когда найду это нужным. Я делаю это с удовольствием. Положение дел на Дальнем Востоке дало тебе случай поговорить об этом с моим дядей, и я благодарю тебя за то, что ты так любезно отозвался о моем сотрудничестве с Россией и коснулся вопроса об угольной станции. Развитие Дальнего

Востока и особенно кроющаяся в нем для Европы и нашей христианской веры опасность сильно занимали меня со времени наших первых совместных шагов весной. Наконец, мысли мои вылились в определенную форму, и я набросал их на бумагу. Вместе с одним художником – первоклассным рисовальщиком – я разработал этот набросок и, закончив его, выгравировал его для того, чтобы сделать его доступным всем. На картине представлены европейские державы в виде гениев, которых посланный с неба архангел Михаил призывает о бъединиться во имя защиты креста, для сопротивления вторжению буддизма, язычества и варварства. Специально подчеркивается о бъединение сопротивление всех европейских держав, необходимое также против наших общих внутренних врагов: анархизма, республиканизма, нигилизма. Я решаюсь послать тебе одну такую гравюру и прошу ее принять, как знак моей горячей и искренней дружбы к тебе и России. Среди этих мирных занятий и спокойной охоты свалилось на меня поразительное известие из Парижа, что бюджетная комиссия французской палаты депутатов при обсуждении военного бюджета предложила отозвать XIX корпус (Алжир и Тунис) и образовать новый континентальный корпус на моей западной границе! Подобное предложение было сделано раньше только один раз, в 1870 г., когда Франция воевала с нами. Подобный проект во времена полнейшего мира явился для Германии громовым ударом и возбудил сильнейшее беспокойство. Чувство это было тем сильнее, что предложение это стало известным тотчас после того, как князь Лобанов и ген. Драгомиров официально присутствовали на смотре французской «пограничной армии», на границе Лотарингии среди бешеных восторгов «пограничных жителей»⁸. Армия эта, как нам о том в течение целого ряда недель твердят французские газеты, предназначается для первого удара на наши пограничные земли в случае войны реванша. Эта армия состоит из 4 корпусов против 2-х – (XV и XVI). Предполагаемый новый корпус увеличит и без того уже подавляющие французские силы до 5 корпусов и является угрозой и серьезной опасностью для моей страны. Конечно, я должен отнести к этому делу очень серьезно. В то время как твои офицеры получают знаки отличия, и Лобанову устраиваются овации, до ушей моего атташе доносятся далеко нелестные замечания; все это создает здесь тягостное настроение и производит впечатление, что Россия отнеслась бы сочувственно к тому, если бы Франция, в расчете на помочь России, напала на Германию. Эта серьезная опасность заставит меня значительно увеличить мою армию, для того чтобы быть в состоянии противостоять такому страшному неравенству сил. Хотя это будет для нас очень тяжелым финансовым бременем, народ мой ни на минуту не поколебится перед необходимостью обеспечить свою безопасность. Я прекрасно знаю, что ты лично и не думаешь нападать на нас, но ты не можешь, однако, удивляться тому, что европейские державы встревожены, видя, как официальное присутствие твоих офицеров и высших сановников во Франции разжигает страсти пылких французов и способствует делу шовинизма и реванша.

Видит бог, что я делал все от меня зависящее, чтобы сохранить в Европе мир, но если Франция, открыто или тайно подстрекаемая к этому, будет продолжать своим поведением так нарушать и правила международной вежливости, и самий мир, то в один прекрасный день, мой дорогой Ники, ты очутишься nolens-volens (волей-неволей) внезапно втянутым в самую страшную войну, какую когда-либо видела Европа! И народные массы, а даже, быть может, и сама история укажут на тебя, как на причину этой войны. Не сердись, пожалуйста, если я, совершенно того не желая, огорчаю тебя, но я считаю своим долгом перед нашими странами и перед тобой, моим другом, писать тебе об этом совершенно откровенно. Твое единение, по слухам глубокого траура, препятствует тебе видеть людей и мешает следить в подробностях за тем, что происходит за кулисами.

У меня есть некоторый политический опыт, и я вижу совершенно неоспоримые симптомы и спешу поэтому выступить перед тобой, моим другом, в качестве защитника мира в Европе. Если ты «плохо ли, хорошо ли» состоишь в союзе с Францией, –

прекрасно, держи тогда этих проклятых мерзавцев в повиновении, заставь их сидеть смирно, – если нет, не допускай, чтобы твои люди ездили во Францию и уверяли бы французов в том, что вы союзники, и легкомысленно кружили бы им головы до потери рассудка, иначе нам придется воевать в Европе вместо того, чтобы биться за Европу против Востока!

Подумай о страшной ответственности за жестокое кровопролитие.

Ну прощай, милейший Ники, сердечный привет Алисе и верь, что я всегда твой преданный и верный друг и кузен.

Вилли I. R.⁴

11.

Письмо Вильгельма

Новый Дворец, Потсдам, 25/X 1895

Милейший Ники.

Чрезвычайно обрадовавший нас неожиданный приезд дяди Миши, который только что позавтракал с нами, доставляет мне приятный случай горячо поблагодарить тебя за твое письмо, привезенное сюда Мольтке. Последний всецело находится под впечатлением твоей любезности и прямо восхищен тобой и твоим обращением. Твои идеи о печати в общем совершенно сходятся с моими. Она сделала и все еще продолжает делать массу зла, и нам приходится выносить огромное количество злобы, лжи и вздора. Все же влияние, которым, *horribile dictu* (страшно сказать), печать пользуется, приходится оценивать в зависимости от духа народа различных рас. Твои и мои подданные мыслят медленнее, в суждениях своих они трезвее и спокойнее, чем, например, южане или французы. Романские и галльские расы гораздо легче возбудить, они скорее бросаются навстречу опасности, и раз они возбуждены, то представляют для мира гораздо большую угрозу, чем тевтонская или русская расы. В Англии печать более выражает общественное мнение, чем на континенте, и более защищает интересы своей страны!

Мне было очень интересно принять Лобанова: он безусловно очень способный дипломат и блестящий собеседник. То, что он мне рассказал о Франции, было «*sehr bergehigend*» (очень успокоительно). Я счел, что о Франции можно с ним говорить с полной откровенностью, так как он сказал мне, что ты обсуждал с ним этот вопрос. Касательно одного пункта мне было трудно разъяснить ему, что я не хотел бы быть понятым неправильно. Именно, что неприятен не самый факт хороших отношений (*rapport*) или дружбы между Россией и Францией, – всякий государь является единственным хозяином интересов своей страны и сообразно этому ведет свою политику, – а та опасность, которая кроется для нашего монархического принципа – в форме, в которой эта дружба проявляется. Республика как бы возносится на пьедестал. Постоянное появление коронованных особ, великих князей, государственных деятелей, генералов в полной парадной форме на смотрах, похоронах, обедах, скачках вместе с главой республики или с его свитой, позволяет республиканцам, как таковым, воображать, что они совершенно порядочные, прекрасные люди, с которыми коронованные особы могут быть на равной ноге. Каковы же последствия от этого у нас дома? Республиканцы – революционеры *de natura* (по существу), и с ними совершенно правильно обращались, как с людьми, которых следует расстреливать или вешать. Теперь они говорят нашим другим, лояльным подданным: «О! мы совсем не дурные и не опасные люди. Посмотрите на Францию! Вы видите, что там их величества запанибраты с революционерами! Почему бы не быть этому и у нас?» R. F. (Французская Республика) происходит от великой революции, проповедует ее идеи и должна это делать. Не забывай, что Фор – это не его личная вина – сидит на троне короля и королевы Франции божьей милостью, головы которых отрублены

⁴ Imperator Rex.

французскими республиканцами! Кровь их величеств все еще лежит на этой стране. Посмотри на нее, была ли она с тех пор когда-либо счастлива и спокойна. Не шла ли она от кровопролития к кровопролитию? А в периоды своего величия разве не шла она от войны к войне, пока не залила всей Европы и России кровью. Пока, наконец, не дошла опять до коммуны. Ники, даю тебе слово – божье проклятье вовеки тяготеет над этим народом. На нас, христианских королях и императорах, лежит священный долг, возложенный на нас небом, именно – поддерживать принцип «божьей милостью». В хороших отношениях с R. F. мы можем быть, но быть с ней близкими – никогда. Я всегда боюсь, что благодаря частым и продолжительным поездкам во Францию люди, сами того не чувствуя, пропитываются республиканскими идеями. Вот тебе пример: несколько лет тому назад, один господин – не германец – с ужасом рассказывал мне, что в одном фешенебельном салоне в Париже он слышал, как русский генерал на вопрос, разобьет ли Россия германскую армию, ответил: «О, конечно, нас разобьют вдребезги, но что же из этого? Тогда у нас будет республика». Вот чего я боюсь для тебя, мой дорогой Ники. Не забывай Скобелева, развивавшего как-то раз за обедом свой план похищения сразу всей императорской семьи!⁹). Поэтому следи зорко за тем, чтобы твои генералы не слишком увлекались бы R. F.

Прости мою откровенность, но мне хочется, чтобы ты видел, как горячо я тебе сочувствую, как беспокоюсь о тебе, и хорошо понимал, каковы мои побуждения.

Затем были очень интересны новости, которые сообщил мне Лобанов о Турции, – а именно, будто у него есть все основания подозревать, что Англия метит на Дарданеллы. А поэтому снова всплыл армянский вопрос¹⁰. От таких новостей я, признаюсь, остолбенел. Нет никакого сомнения, что с того времени, как вступил в должность Салисбери, иностранная политика Англии стала совершенно таинственной и непонятной¹¹, а необычайный способ, каким английский флот угрожающе собрался вокруг Дарданелл, показывает, что они там что-то замышляют. Но в таком случае они нарушили бы Берлинский трактат, чего без разрешения всех прочих, подписавших договор, держав, им сделать не позволяют, а те такого разрешения никогда не дадут. Но, по-видимому, англичане намерены так или иначе изменить свою политику в Средиземном море, так как два дня тому назад Малет, во время своего прощального визита в наше министерство иностранных дел, говорил в очень хвастливом тоне о том, что Германия в Африке плохо ведет себя по отношению к Англии, что дальше так продолжаться не может, и что, подкупив Францию уступками в Египте, Англия может обратить свое внимание на нас. У него даже хватило бес tactности употребить слово: «война». Он сказал, что Англия не остановится перед войной против меня, если мы не сократимся в Африке. Я дал ответ в том смысле, что англичане в этом случае ставят себя в смешное положение и становятся неприятными всем, и что если они из-за этого столкнутся с кем бы то ни было, то я на помощь им не двину ни одного померанского гренадера. Мне кажется, это их охладит. Я так и сказал Лобанову. Кроме того, я сказал ему, что если Россия будет иметь серьезные затруднения на Востоке, то я считаю своим долгом защищать ваш тыл в Европе против кого бы то ни было и следить, чтобы все было спокойно; что же касается Франции, то с моей стороны ей не грозит ничего, предполагая, конечно, что на меня не нападут. Он меня горячо благодарил за это. Я разделяю его опасения, что у Японии имеется какое-то соглашение с Англией, и что потому-то она так и упорна. Позволь мне, прежде чем кончить письмо, выразить тебе мое горячее сочувствие по поводу приближающегося первого ноября. Один бог может смягчить горе, наполняющее твое сердце скорбью о твоем милом отце, о таком прекрасном и хорошем человеке, столь походившем на моего бедного папа! Позволь мне высказать тебе то, что у меня теперь на сердце. Принимая во внимание наши близкие отношения и частый обмен письмами и сообщениями, чем постоянно и напрасно приводится в движение сложный механизм посольств, не хочешь ли ты возобновить старый обычай, соблюдавшийся нашими предками около ста лет, а именно иметь каждому из нас при своем штабе личного адъютанта? Дела более

интимного и частного характера могли бы идти, как и в прежние времена, непосредственно через них, и сношения благодаря этому значительно упростились бы. Я бы с удовольствием принял в мой *maison militaire*¹²⁾ кого-нибудь из лиц, которым ты действительно доверяешь, а ты не желаешь ли иметь Мольтке? Пока не буду тебя более беспокоить. Прощай, милейший Ники, сердечный привет Алисе и «будущему» и верь, что я всегда

твой преданнейший и любящий друг и кузен.

Вилли.

12.

Письмо Вильгельма

Новый Дворец, 2/I 1896

Милейший Ники.

Возвращение Радолина в Петербург дает мне случай послать тебе несколько строк. Позволь от всей души поблагодарить тебя за многократно проявленные тобой по отношению ко мне и моей стране расположение и дружбу, которые внушают чувство спокойствия и уверенности, и которых я прошу у тебя для нас и в наступающем году.

Вместе с горячими пожеланиями к новому году и к рождеству я возношу за вас свои молитвы; да благословит и да сохранит бог от всякого зла, печали и болезни тебя, милую Алису, ваше прелестное дитя и всю вашу семью. Да будет царствование твое счастливым, и да увидишь ты исполнение многочисленных планов, выработанных тобой на благо подданных. Да будут страны наши объединены, как и прежде, для дела упрочения и поддержки мира и защиты их веры и интересов против всех внешних и внутренних врагов.

Политический горизонт в настоящий момент неясен. Англий поставлены и требуют разрешения армянский вопрос⁵ и вопрос о Венесуэле¹³, а теперь вдруг на Трансваальскую республику произведено самое гнусное нападение¹⁴, как кажется, не без ведома Англии. Я заговорил в Лондоне очень суровым языком и возбудил в Париже вопрос о совместной защите наших интересов, которым грозит опасность, так как французские и германские колонисты, по собственному почину, объединились для помощи обиженным бурям. Надеюсь, что ты к этому отнесешься благосклонно, так как здесь поставлен вопрос о необходимости выполнить заключенные договоры; надеюсь, что все уладится. Но что бы там ни случилось, я никогда не позволю англичанам раздавить Трансвааль! Надеюсь, что ты имеешь более благоприятные известия от своего бедного брата, который, как я вижу, прибыл на Ривьеру.

Пожалуйста, передай мой сердечный привет Алисе; еще раз благодарю тебя за всю твою любезность по отношению к Штранцу и бывшим с ним. Верь мне, дорогой Ники, всегда твой нежно любящий кузен и друг

Вилли.

13.

Письмо Вильгельма

Берлин, 20/II 1896

Милейший Ники.

Генерал Вердер имеет великое удовольствие и честь быть твоим гостем, и я поручаю ему это письмо. Позволь мне еще раз поблагодарить тебя от всей души за картину и за письмо, присланые к моему дню рождения. Внимание твое было и любезно

⁵ См. прим. 10.

и мило, так как открытие канала было делом, которое я принимал очень близко к сердцу, и которое, действительно, являлось успехом. Картину я отоспал в Киль, где ее и повесят в моей собственной квартире, в которой жил твой дорогой оплакиваемый отец во время нашей последней встречи в Киле. Вердер передаст тебе также две фотографии. Одну тебе в воспоминание обо мне и другую для Алисы, чтобы показать ей, какова моя дочка. Она – настоящая ртуть и страшно тиранист своего папа.

Твое посольство запросило меня относительно моего представительства на коронации в Москве, – и я назначил своим представителем Генри. Я был бы очень благодарен тебе, если бы ты был так любезен выяснить вопрос об его месте. Как я слышал, твой церемониймейстер сказал Радолину, будто бы Генри должен идти после всех наследных германских великих герцогов и принцев, даже после сына князя Черногорского. Это, конечно, совершенно недопустимо. Мой дом, как дом, царствующий в Германии, является первым, и принцы, принадлежащие к нему, идут впереди сыновей царствующих особ в Германии. Я спрашивал об этом Владимира, когда он был здесь; он вполне согласен с этим и обещал мне поговорить об этом с тобою. Кроме этого, он (т.е. Генри) ведь твой шурин и, как таковой, должен считаться принадлежащим к твоей семье, подобно тому, как это было с герцогом Эдинбургским во время коронации твоего папа.

Я видел тетю Санни в Ольденбурге, и когда она была здесь проездом. Она очень удручена медленной и мучительной смертью своей бедной сестры и страшно страдает от бессонницы, бедняжка.

Голубая книга в лондонском парламенте еще раз подтвердила, как правильна была твоя политика в Восточном вопросе, и как Англия старалась вовлечь и тебя и нас в затруднения. В Трансваале их *coup de bourse* (спекуляция), волей неба, потерпела неудачу, и хотя погибло несколько жизней, однако удалось не допустить революции, кровопролития и массового грабежа. Отношение их ко мне было очень непристойным, но меня это оставляет совершенно равнодушным, а вот мобилизация их знаменитого летучего эскадрона против нас сделала их прямо смешными.

Ну прощай, милейший Ники. Сердечный привет Алисе и верь мне,
всегда твой преданнейший кузен и друг
Вилли.

14. Письмо Вильгельма

Кобург, 19/IV 1896

Милейший Ники.

Здесь состоялась веселая свадьба, и лица многих гостей переносят меня на два года назад, в то время, когда на мою долю выпало счастье помочь тебе стать обладателем этого очаровательного и совершенного ангела, твоей жены. И другие тоже вспомнили апрель 1894 года, почему мы и сговорились послать тебе телеграмму. Смею думать, что я тогда не сказал и не пообещал тебе ничего такого, чего бы ты потом не нашел в своей супружеской жизни. Да будет благословение божье на вас обоих, особенно в следующем месяце, когда ты будешь коронован пред лицом всего восхищенного мира. От всего сердца благодарю тебя за милое письмо, полученное мной через Вердера в тот день, когда я отправился в свое путешествие по Средиземному морю. Он был очень доволен своим пребыванием в Петербурге, где видел множество знакомых лиц. Я вполне согласен с тем, что ты говоришь в заключение своего письма об англичанах; их вызывающий тон по отношению к нам делает их до крайности смешными, а на меня не производит ни малейшего впечатления. Чем более они завязнут в Африке, тем лучше для нас в Азии. Ну, прощай, дорогой Ники, привет Алисе и пожелание всего хорошего от твоего преданного

кузена и друга

Вилли.

15.

Письмо Вильгельма

Летцлинген, 12/XI 1896

Милейший Ники.

Владимир так любезен, что берет эти строки с собой, вручит их тебе и передаст тебе также мой сердечный привет. Я рад, что ты благополучно возвратился домой, и что твоё блестящее путешествие по Европе не слишком утомило тебя.

Я крайне огорчен возмутительным поступком Бисмарка¹⁵. Хотя это «соур» (удар), направленный исключительно против меня лично, тем не менее, он является нарушением верности по отношению к твоему правительству и пятнает память как моего дорогого деда, так и твоего дорогого отца. Я уже дал наставления моему дяде канцлеру, как говорить в парламенте, и надеюсь, что ты будешь удовлетворен нашим отношением ко всей этой предательской истории. Я полагаю, что этот последний удар князя и бесстыдная манера, с какой говорится обо мне в его прессе, – особенно попытка уверить народ, что я был и все еще нахожусь под «а н г л и й с к и м» (!) влиянием, – помогут более ясным головам понять, что я был прав, удалив от дел этого своевольного человека с его низким характером. Я твердо убежден, что ты будешь доверять мне, как это было б до сих пор, и что между нами ничто не изменилось и не может измениться после того, как мы в Бреславле установили линию нашего поведения. Владимир вернулся из Парижа, убежденный, что там все спокойно. Я могу подтвердить то же самое, основываясь на отчетах моего посла, который находится в наилучших отношениях с правительством и в восторге от способностей и хладнокровия Ганото. Последний несколько обеспокоен по поводу Турции, но, по моему мнению, без достаточного основания, так как ничего тревожного я оттуда не слыхал. Ганото, как я слышал, решительно против созыва какой бы то ни было конференции о Турции, и в этом отношении он совершенно прав.

На нашей границе в Литве мы открыли и локализировали много случаев проказы. Кто-то занес заразу из соседних мест Балтийских провинций. Я приказал построить в Мемеле госпиталь, чтобы поместить туда несчастных. Это ужасная и очень заразительная болезнь, и я спрашиваю тебя не могли ли бы наши пограничные власти сообща наблюдать и предупреждать случаи этой болезни, назначив несколько докторов для медицинского надзора.

У нас прекрасный спорт и отличная погода, и мы были очень рады видеть Владимира здесь на его прежнем месте. Сердечный привет Алисе.

Твой любящий друг и кузен

Вилли.

16.

Письмо Вильгельма

Берлин, 3/III 1897

Дорогой Ники.

Согласно твоему благосклонному разрешению полковник ф. Мольтке будет иметь честь через несколько дней засвидетельствовать свою преданность своему царственному шефу. Это дает мне повод послать тебе в эти трудные дни несколько дружеских строк. Я глубоко благодарен тебе за то, что ты так лояльно, ясно, как истинно государственный человек, понял суть этого несчастного критского дела¹⁶, и горжусь тем, что наши

воззрения на этот вопрос вполне совпадают. С точки зрения «семейной» тебе пришлось пережить минуты, которые явились серьезным испытанием для твоих чувств, и твое решение поступить так, как поступил ты, сложилось; вероятно, после продолжительной и мучительной внутренней борьбы. Но ты вполне прав. И ты видишь по последствиям, что твое «*demande*» (выступление) объединило все державы (добровольно или нет) в одной общей демонстрации, и я надеюсь, что это упрочит европейский мир. Ты еще раз показал всему миру, что если три великих империи «*narchent d'accord*» (действуют согласно), и к ним присоединятся другие крупные континентальные государства, т.е. если весь континент заодно, то остальной мир должен следовать за нами, даже наиболее сильные! Греческий король должен быть прямо сумасшедшим, если он не прекратит своих безумных попыток поджечь весь мир «*pour y allumer sa rière*» (для того, чтобы зажечь свою трубку). Я рад, что турки так рассудительны и вводят в Македонию сильные войска: в ней скрыта большая опасность, и спокойствие в ней надо поддерживать всеми средствами.

Я посылаю тебе с Мольтке несколько моментальных снимков с парада, после того как твои ленты были прикреплены к знаменам Александровского полка. Мольтке передаст тебе также труд, посвященный моему дорогому деду и выпущенный к столетию дня его рождения. Его прекрасные письма и речи являются наилучшей его характеристикой.

Наш бал прошел очень удачно и оставил впечатление чего-то сказочного, как грэзы о давно прошедших днях.

Ленты, которые я собираюсь послать моим гренадерам, готовы, и я был бы очень благодарен тебе, если бы ты сообщил мне, могу ли я сам передать их, или ты считаешь, что лучше послать их с нашими офицерами. Ну, сердечный привет Алисе, которая, я надеюсь, скоро будет совсем здорова.

Верь мне, всегда твой горячо любящий кузен и друг
Вилли.

17.

Телеграмма Вильгельма⁶

На германскую католическую миссию в Чантуне было произведено китайцами неожиданное нападение, повлекшее за собой потерю жизней и имущества¹⁷. Так как католическая миссия находится под моим личным покровительством, я должен наказать этих китайцев. Надеюсь, что согласно нашим личным переговорам в Петергофе, ты одобришь переход моей эскадры в Кио-Чау для того, чтобы оттуда действовать против мародеров, это единственно удобная гавань, а я обязан показать католической партии в Германии, что я в состоянии защитить их. Наказание необходимо, и принесет пользу всем христианам.

18.

Телеграмма Николая⁷

26 октября 1897 г.

Очень благодарен тебе за личное предупреждение. Сожалею о нападении, произведенном китайцами на католическую миссию, находящуюся под твоим покровительством. Не могу одобрить или не одобрить твоего распоряжения направить

⁶ Телеграмма печатается с копии, хранящейся в Секретном архиве министра за 1897 г., и имеет следующие надписи: «Петербург из Царского Села министру иностранных дел, 26 октября 1897 г. Я только что получил от императора германского телеграмму следующего содержания:» следует текст телеграммы и дальше слова «(подп.) Николай».

⁷ Телеграмма печатается с копии, найденной в Секретном архиве министра ин. дел.

германскую эскадру в Кио-Чау, так как недавно узнал, что эта гавань была в наших руках только временно в 1895–96 гг. Боюсь, что строгие меры наказания могут вызвать тревогу и неспокойное настроение на Дальнем Востоке и, возможно, еще более увеличат пропасть между христианами и китайцами.

(Подписано) *Niki.*